

М.К. Мусаева

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННЫХ
УКРАШЕНИЙ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА**

(Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ. Проект № 07-04 -00204а)

Когда мы говорим о традиционных украшениях, в нашем сознании возникает девушка или женщина, одетая в один из старинных костюмов многочисленных народов Дагестана. Как правило, одними из важных составляющих костюмного комплекса горянок Дагестана являлись украшения, носимые отдельно или нашиваемые на костюм. Не только фасон костюма, головного убора и способ его ношения, но и украшения (преимущественно серебряные) являлись этномаркирующим элементом костюмного комплекса у народов Дагестана. Кроме того, украшения подчеркивали принадлежность женщины к определенной социальной или возрастной группе. Традиция использования, а соответственно, и производства украшений, по свидетельству исследователей, уходит вглубь веков (*Атаев Д.М.*, 1961; 1963; 1973 и др.). Считается, что художественные традиции и основные формы украшений многих народов Дагестана сложились к VI–VII вв., а в средневековье с возникновением ювелирного дела эти традиции обогатились известными и в настоящее время художественными и техническими приемами (гравировка, чернь, насечка и т.д.) (*Кильчевская Э.В., Иванов А.С.*, 1959. С. 51). Известно, что металлические украшения, преимущественно серебряные, имели широкое бытование на всей территории Дагестана. Практически в каждом селе местные мастера (в том числе и кузнецы) занимались изготовлением для женщин колец, серег, подвесок, браслетов, поясов и т.д. Однако, наиболее известными центрами художественной обработки были сс. Кубачи (даргинцы), Казикумух (лакцы), а также Ругуджа, Согратль, Чох, Тинди (аварцы) и др., мастера в которых работали на заказ и торговали не только на внутреннем рынке, но и выезжали за пределы Дагестана (*Булатова А.Г., Гаджиева С.Ш., Сергеева Г.А.*, 2001. С. 108–109). Несмотря на то, что постоянный торговый обмен и различного вида контакты способствовали распространению одних и тех же видов или же близких по им по форме украшений у многих народов Дагестана, существовало много местных вариантов украшений, локализовавшихся на определенных этнических территориях и в отдельных селениях. Определенные семейные традиции, согласно которым украшения передавались из поколения в поколение (от матери к дочери и т.д.), способствовали их постепенному накоплению.

Исследователи проводят систематизацию, типологизацию, классификацию украшений с использованием самых разных подходов, в основном разделяя на категории (отдельно надеваемые и нашиваемые на одежду), виды (головные, височные, шейные, нагрудные, поясные и т.д.), группы, типы и подтипы. Единая классификационная система в Дагестане не разработана в силу очень большого разнообразия видов и форм женских украшений. Подобное разнообразие, естественно, явление не случайное, оно прежде всего связано с многофункциональностью украшений. Украшения в Дагестане имеют довольно длинную цепочку конфигураций: составляющие материальной культуры народа – составные части одежного комплекса с множеством функций – произведения искусства – в некоторых случаях этномаркирующие предметы – обереги – составляющие духовной культуры

и т.д. Наиболее интересны функции украшения, которые они выполняли не как предмет материальной культуры, а с точки зрения их роли в духовной жизни народов, их восприятия в определенных ситуациях, т.е. их мировоззренческие особенности.

Украшения играли немаловажную роль в свадебном обряде народов Дагестана. В частности у аварцев, они обязательно входили в состав традиционного наряда невесты и в сочетании составляли единый стиливой ансамбль, характерный для данной этнической группы или общества.

Помимо основной своей функции – служить декоративным элементом одежды и удовлетворять эстетические потребности, как выше было отмечено, украшения выполняли ряд дополнительных функций. Прежде всего, многие из них являлись необходимыми атрибутами в свадебной обрядности (преподносились при сватовстве, составляли часть приданого невесты, входили в состав комплектов одежды, которые приносил жених и т. д.). Количество принесенных невесте украшений стало предметом широкого обсуждения в женском обществе. Эту их роль мы рассмотрим на примере комплекта свадебных украшений из серебра, характерных для жительниц с. Ругуджа, одного из центров художественной обработки серебра в Андалальском обществе (*Пиралов А.С.*, 1913. С. 86; *Кильчевская Э.В., Иванов А.С.*, 1959. С. 65). Они наиболее полно представлены в коллекциях музеев, упоминаются исследователями (*Сергеева Г.А.*, 1980. № 7. С. 100–101; *Гаджиева С.Ш.*, 1982. С. 111 и др.) и по сегодняшний день используются в свадебных обрядах.

Одним из самых интересных по своему художественному оформлению и форме является украшение *маргъал*, имеющее узколокальное распространение, т.е. характерное только для данного села. Композиционно оно состояло из художественно оформленной матерчатой основы, к которой пришивались височные и подбородочные украшения. Основа представляла собой четырехугольник из дорогого однотонного материала (*дарай, зарбаб* – шелк, парча) чаще всего красного или фиолетового цвета на подкладке из ситца с пришитыми к нему ленточками для закрепления на затылке. Прямоугольник *маргъал* заключен в рамку из средней толщины серебряной цепи, а нижний край обшит чеканными круглыми бляхами размером с небольшую монету, которые иногда перемежались с «семечками» (полые серебряные подвески с чеканным узором, напоминающими крупные семена подсолнуха). Каждая деталь *маргъал* располагалась в строго определенном месте. Вся матерчатая основа расшита плоскими круглыми бляхами с изображением солярных знаков в виде крестов и спиралей. В более поздних вариантах встречаются бляхи и с растительным орнаментом. Главным элементом украшения является жемчуг, откуда и название украшения (*маргъал* – авар. «жемчуг»). В основном он был необработанный и мелкий, но ценился в те времена очень дорого – за одну обмотку вокруг большого пальца отдавали корову. Им расшита вся нижняя часть матерчатой основы. Пришивался он особыми стежками в виде пяти зубчиков. Женщин, которые умели стегать жемчуг, было немного, они назывались *маргъал чIваяй чIужу* (женщина, которая прицепляет жемчуг). В день изготовления *маргъал* в доме невесты устраивали небольшое торжество. На уровне висков к нему пришивались *чувал* (лошадки), которые являлись составной частью *маргъал*. Действительно, центральная часть этого украшения представляет собой спаренные головы лошадей, смотрящие в противоположные стороны. Присутствие в ритуальном украшении, каким является *маргъал*, в качестве одного из основных

элементов именно фигур лошадей не случайно – культ коня был широко распространен почти у всех народов Кавказа, в том числе и в Дагестане (*Маммаев М. М.*, 1984. С. 33–34).

В целом *чувал* напоминал большие, доходящие от висков до плеч серебряные серьги со множеством подвесок. Только форма центральной части (непосредственно лошадки) была постоянной, а остальная зависела от вкусов и фантазии мастера.

Еще один необходимый элемент *маргъал* – подбородочное украшение *мачлакь куц*. Основу его составлял большой медальон, который прикреплялся к нижним боковым частям матерчатой основы при помощи цепочек с подвесками в виде чеканных *мокъокъал* (куропаточки) и занимал место под подбородком.

Нужно отметить, что *маргъал* без *чувал* и *мачлакь куц* считался неполноценным. Именно качество этих составляющих и плотность пришитого жемчуга были предметом гордости ругуджинской невесты. Каждая мать подчеркивала качественную сторону *маргъала*, которое в общественном восприятии определяло материальное положение невесты. Неполноценный *маргъал* в приданом невесты впоследствии, если в семье случались конфликты, мог стать предметом упреков со стороны родни жениха. *Маргъал* почти полностью закрывал лицо, и надевала его невеста только в день свадьбы. На более раннем этапе бытования *маргъал* приписывались и магические свойства. И возникло оно, возможно, как культовое украшение. Об этом говорят его назначение (только свадебное), способ ношения (закрытие лица), декоративное оформление (серебряные бляхи с солярными знаками, символизирующими культ солнца, жемчужный узор – стилизованная кисть руки). Нельзя не учитывать возможной связи орнамента с религиозно-магическими представлениями, которые он имел в далеком прошлом, тем более что известен факт широкого распространения изображения руки в Дагестане в качестве амулета, оберегающего от злых духов и дурного глаза (*Атаев Д., Маркович В.*, 1965. С. 361; *Габиев Д.С.*, 1972. С. 172 и др.). В данном случае мы видим изображение кисти руки в трансформированном виде, и этот элемент орнамента представляет уже не реальное, а условное изображение руки, символ.

Переход от изображения реальных образов к условным характерен для развития орнамента. Жемчугу, как и многим драгоценным и полудрагоценным камням, приписывались определенные свойства. В *маргъал* он олицетворял чистоту и непорочность невесты.

Интересно отметить, что в с. Ругуджа происхождение жемчуга связывали не с морем. Его якобы привезли ездившие на поклонение святыням мусульманской веры хаджи из тоннеля, который им пришлось проехать в кромешной тьме на конях. Копыта коней издавали странный звук. Тот, кто не поленился, перегнувшись, набрал горсти крупных зерен. Когда люди вышли из этой тьмы, они увидели в руках удивительной красоты белые камешки, переливавшиеся на ярком южном солнце всеми цветами радуги. Многие из них повернулись, чтобы войти в тоннель и набрать их побольше, но вход в него уже был закрыт каменной стеной. Здесь жемчуг называют *хежалъул гъолой маргъал* (*гъоло* – бобы), т. е. привезенный паломниками из Мекки бобовый жемчуг (*Мусаева М.К.*, 1986. С. 115).

Особое место в свадебном наряде невест занимали нагрудные украшения. Они были чрезвычайно богато оформлены, отличались сложностью изготовления. Одним из основных нагрудных украшений являлся *куц*, выполненный полностью из серебра и достигавший порою 60–70 см в длину. Он включал в себя большое

число составных частей, композиционно объединенных вокруг центрального медальона. Закреплялся *куц* на груди при помощи специальных крючков, приделанных к концам коротких серебряных цепочек. Некоторые формы прикрывали перед платья до колен. Интересно, что в качестве нагрудного очень часто использовалось украшение, которое жители с. Тлярота называли *кьукьем* и носили на голове: в с. Ругуджа его называли «серебряный маргьал» (*гIарцул маргьал*). Название свидетельствует о том, что его на раннем этапе появления за неимением *маргьал* надевали как головное, а затем его функцию изменили и в исследуемое время это украшение применяли как нагрудное. Нагрудный *куц* также являлся частью приданого невесты, но иногда (в зависимости от материального положения) он входил в комплект одежды, которую родители жениха дарили невесте.

Художественное оформление *куц* зависело от вкусов заказчика или мастера, т. е. определенных устоявшихся традиций в его изготовлении не было. Важно было соблюдение размера. Кроме центрального нагрудного украшения, по обе стороны вешались или нашивались различные подвески небольших размеров – маленькие *куцал* разновременного происхождения (комплект украшений собирался, обновлялся несколькими поколениями).

Если наблюдать весь обрядовый цикл свадьбы народов Дагестана, достаточно хорошо описанный дореволюционными (*Омаров А.*, 1868–1869; *Бугаев Д.*, 1915) и современными (*Алиев А.*, 1953.; *Гаджиева С.Ш.*, 1959; *Агларов М. А.*, 1964; *Агаширинова С.С.*, 1964. С. 133–159; *Гаджиева С.Ш.*, 1985 и др.) исследователями, видно, что в традиционном свадебном обряде народов Дагестана XIX – нач. XX в. сохранялись пережитки самых отдаленных эпох – культ природы (значение огня, воды, растений), многие пережитки магии, применялись средства оберега от злых сил, «сглаза». Поэтому не удивляет обилие на свадебном платье нашивных или прикрепленных при помощи крючков *хайкалов*, представляющих собой подвески в виде полых филигранных цилиндрических трубочек или фунтляров с черненным геометрическим или растительным орнаментом, в которые вкладывались выдержки из различных сур Корана. В свадебном наряде они выполняли роль оберегов, способных отогнать «порчу», спасти от «дурного глаза» и злых сил», и талисманов, которые должны обеспечить невесте счастье и плодовитость, любовь и внимание будущего мужа. Но к исследуемому периоду хайкалы выполняли только функции украшений, о чем свидетельствуют их образцы, полость которых заполнена воском или известковой пастой для того чтобы они не помялись.

В комплект свадебных украшений входили также наручные украшения: кольца, браслеты. Кольца были самыми распространенными и самыми доступными украшениями, и носили их повседневно: считалось, что на руке обязательно должно быть кольцо, так как руки выполняют подчас очень грязную работу, то есть ему приписывалось очищающее свойство. Сходные представления известны и у других народов (*Чвырь Л.А.*, 1977. С. 98).

Порой простенькое серебряное колечко вращалось в палец, так как его никогда не снимали. Если кольца для повседневного ношения были очень просты по форме, декору, то свадебные были нарядными, обязательно со вставками из камней (цветное стекло, восточная паста, коралл и, очень редко, бирюза). Кольца приносили при сватовстве. Иногда кольца дарили и жениху. В с. Кегер Андалальского общества жених приходил к невесте и после приветствий невеста сама надевала на него кольцо и дарила кiset.

Они входили также в состав комплекта одежды, которую жених дарил невесте. На следующий день после брачной ночи по традиции невесту одаривали подарками родственницы жениха, в состав этих подарков также входили кольца, браслеты. Их количество и качество зависели от состоятельности и многочисленности родственников жениха. Порой набиралось до 50 колец и браслетов. Мать жениха утром раньше других, если она довольна своей невесткой, обязательно должна была надеть на нее браслет. Для таких случаев специально старались приобрести или заказать браслет поизящнее, подороже, обычно двусторчатый на шарнирной застежке. Высоко ценились браслеты с позолотой, так называемые «обкуренные золотом» (*меседил кIуйля курал*). И, если пришедшие с подарками родственницы, не замечали на ней браслет, могли пойти кривотолки. Повидимому, как дань традиции служит сохранившийся в с. Ругуджа обычай: утром свекровь обязательно дарит невесте украшение на запястье. До последнего времени это были в основном золотые часы (иногда с браслетом), в последние годы – золотые браслеты, иногда инкрустированные драгоценными и полудрагоценными камнями. Невеста всегда надевала два браслета, чаще всего по одному на обе руки (по поверью, это могло предохранить ее от семейных конфликтов), а остальные складывала.

Одни и те же браслеты и кольца (кроме тех, что подарила мать жениха, и тех, которые входили в состав приданого) переходили от одной невесты к другой, так как к следующей свадьбе, зная, что у предыдущей невесты их много, старались у нее приобрести для подарка. Как правило, «кочующие» браслеты были более простой формы (односоставные с крупными вставками из сердолика или пасты). Полный комплект украшений был доступен не всем, но в силу устойчивых традиций каждая семья, где-то ущемляя себя в чем-то другом, старалась обеспечить хотя бы старшую дочь необходимым набором украшений.

В обычное время люди боялись привлечь внимание к себе красотой и здоровьем – это могло «сглазить». Невесту же старались сделать привлекательной, одеть богаче и красивее, сделать объектом всеобщего восхищения. Считалось, что нарядная одежда и красивые украшения охраняют ее, отводя от молодой «дурной» глаз. Даже обувь украшалась подвесками из серебра – *чакмаязде ралел куцал*. Они обязательно входили в комплект одежды, которую приносил невесте жених и его родители.

Украшения в комплексе с одеждой (платье, головной убор, обувь), дополняя друг друга, составляли законченный ансамбль, различный для каждой этнической группы. В этом наблюдается один из устойчивых параметров развития художественных традиций.

Очень интересным, на наш взгляд, является отношение к некоторым украшениям. В частности, далеко за пределами Аварии известен своей оригинальностью головной убор арчинки чухта – *чухтIу*. Он довольно подробно был описан еще в начале XX в. П.Ф. Свидерским (*Свидерский П.Ф.*, 1913. С. 33), а позже известным этнографом Г.А. Сергеевой. Как она пишет, по форме он аналогичен головным уборам женщин других народов Дагестана (*Сергеева Г.А.*, 1967. С. 105). Свообразие этому головному убору придает особая несимметричная (левосторонняя), покрытая монетами нашивка, идущая от височных частей вниз и огибающая подбородок. Арчинцы наличие «левого серебра» в женском головном уборе «объясняют или библейской легендой (бог сотворил Еву из левого ребра Адама, в память чего женщинам и надо закрывать левую щеку), или проявлением уважения к му-

жу. В старину женщины, как говорят, даже спали в этой чухте, лежа на правом боку и обратив серебряное нащечное украшение в сторону лежащего рядом мужа» (Никольская З.А., Шиллинг Е.М., 1953. С. 20).

По мнению Е. М. Шиллинга, «несимметричное украшение арчинской чухты пережиточно отражает ярче, чем это часто встречается, древнейший слой представлений, связывающих головной покров с задачами оберега и предохранения носительницы от несчастья и сглаза» (Шиллинг Е.М. Арчинцы, Архив ИЭ.Д. 16. Л. 9).

Это украшение на голове закреплялось у арчинок при помощи специальной застежки «мац1», потеря которой была равнозначна бесчестью. Известно, что при различных женских конфликтах рукопашные схватки между женщинами в горах Дагестана не были редкостью. Победительницей в такой драке у арчинцев считалась только та женщина, которая сумела сорвать эту застежку, независимо от того насколько она физически пострадала. Рассказывают, что в далекие 60-е гг. XX в., когда автомобиль в горах еще был редкостью, а женщины рожали детей дома или ходили пешком в районный роддом, одна традиционно одетая арчинка пришла в родильное отделение. Схватки у нее продолжались почти два дня. После родов она обнаружила пропажу этой важной детали ее головного убора, видимо, кто-то из рожениц или персонала украл ее, естественно не зная о том значении, которое арчинцы придавали этому украшению головного убора. Несмотря на то, что муж прибыл за ней, чтобы забрать ее и ребенка, она упорно отказывалась покинуть больницу. Объясняла она это тем, что она не может вернуться домой, потеряв, то, что в представлении ее и односельчан равносильно потере собственного «я». На третий день кто-то тайно подкинул украденное украшение и женщина вернулась в село.

Надо отметить, что украшения наделялись множеством свойств, мифопоэтически ассоциировались с различными человеческими качествами. Особенно это характерно для кубачинцев, которые издревле имели дело с украшениями. Это довольно ярко демонстрируют некоторые образцы фольклора:

*«Ва ц1ижила, ц1ижилан
Щижийзий юкья юссе!
Пуч1ум кулахха чидзий,
Виц1 т1уппигала чидзий.
Игъвяшилла гъвай табзий,
Арбашун кьучме чидзий,
Х1ялуккуц ттаппе чидзий,
Дараилла к1аз чибзий,
Бухяхян ккат1е чибзий,
Забрабла чухтта вибзий,
Аасла кисуре вибзий.*

*(Цижинская красавица!
С десятью колечками,
С жемчужным ожерельем,
С шелковыми косами,
С красивой обувью,
В шелковом одеянии,
В шелковой головной накидке,*

*С нелиняющим платком,
С парчевой чухтой,
С карманами из серебра)*

*Азий хъалла хъай баащад,
Аайла диикъа дашкад
ДултIун къаакъалла хъилид,
Дилссун аасла чIухIяра,
Хъай мина катищибжуд,
Хъай манавиел дилк Гунжуд,
Варакъ мутилла сурат.*

*(В верхней части тысяchedомного аула,
В доме из узорных камней
Стройное, серебряное тело твое.
Ты золотая картина,
Сверху золотая эмаль,
Снизу – амальгама).*

*Калхунта ккууцла чухтта
БикIлигул йидихаба,
МаркIизетла цIубзиб кIаз
Биклиже чикахъваба,
Забрабла бюкъя ава
Хамхалже чаахаба,
Ляйлулла бимбигала
Пуппигалал кеегаба,
Дарайла някъушккала
Няхълице гъаялчаба,
Аажме мутилла мутIрус
Кисана кайихъаба.*

*(Чухтой из кусков парчи
Завяжи меня на голову,
Белым маркизетовым казом (тонким белым платком)
Накинь меня на голову.
Ярким атласным платьем
Одень меня на тело,
Кольцом с рубиновым камнем
Одень меня на палец,
Шелковым платком
Возьми меня в руки,
Маленьким ножиком с золотой
Рукояткой положи меня в карман)»*

(Абакарова Ф.О., 1996. С.132, 66,67).

Таким образом, украшения, без которых в горах не носили ни одно нарядное платье или характерный для данного общества головной убор, вобрали в себя множество функций. Они неплохо укладываются в конфигуративный ряд, но наи-

более интересными и древними являются мировоззренческие представления, связанные с украшениями.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абакарова Ф.О.*, 1996 Кубачинский фольклор: этно-локальные особенности. Махачкала.
- Агаширинова С.С.*, 1964. Свадебные обряды лезгин XIX – нач. XX в. // УЗ ИИЯЛ, Т. 12 (серия историческая). Махачкала.
- Агларов М.А.*, 1964. Формы заключения брака и некоторые особенности свадебной обрядности у андийцев в XIX – нач. XX вв. // СЭ. № 6. М.
- Алиев А.*, 1953. Брак и свадебные обряды даргинцев // СЭ. № 4. М.
- Атаев Д.М.*, 1961. Некоторые средневековые могильники Аварии // Материалы по археологии Дагестана. Т.2. Махачкала.
- Атаев Д.М.*, 1963. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала.
- Атаев Д., Марковин В.*, 1965. Петрографика горной Аварии // УЗ ИИЯЛ. Т. 14 (серия историческая). Махачкала.
- Атаев Д.М.*, 1973. Археологические исследования в горном Дагестане осенью 1962 г. // Материалы по археологии Дагестана. Т. 3. Махачкала.
- Бугаев Д.*, 1915. Свадьба лакцев (казикумухцев) // Этнографическое обозрение. М.
- Булатова А.Г., Гаджиева С.Ш., Сергеева Г.А.*, 2001. Одежда народов Дагестана. Историко-этнографический атлас. Пушино.
- Габиев Д. С.*, 1972. О художественных особенностях ворсовых ковров Дагестана /XIX – нач. XX в. // КЭС. V. М.
- Гаджиева С. Ш.*, 1959. Брак и свадебные обряды кумыков в XIX – начале XX в. //УЗ ИИЯЛ. Т. 6. Махачкала.
- Гаджиева С.Ш.*, 1982. Одежда народов Дагестана. М.
- Гаджиева С.Ш.*, 1985. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – нач. XX в. М.
- Кильчевская Э.В., Иванов А.С.*, 1959. Художественные промыслы Дагестана. М.
- Маммаев М. М.*, 1984. О семантике сюжета борьбы двух коней на зооморфных пряжках Дагестана VIII–XX вв. // Мифология народов Дагестана. Махачкала.
- Мусаева М.К.*, 1986. Украшения свадебной одежды аварцев (на примере с. Ругуджа) // Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX – нач. XX в. Махачкала.
- Никольская З.А., Шиллинг Е. М.*, 1953. Женская одежда аварцев//КСИЭ. Вып. 18. М.
- Омаров А.*, 1868-1869. Воспоминания муталима // ССКГ. Вып. 1–2. Тифлис.
- Пиралов А.С.*, 1913. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. СПб.
- Свидерский П.Ф.*, 1913. К антропологии арчинцев//Русский антропологический журнал. №3–4. М.
- Сергеева Г.А.*, 1967. Арчинцы. М.
- Сергеева Г.А.*, 1980. Женские украшения народов аварской группы Дагестана второй половины XIX – начала XX в. // Кавказский этнографический сборник. № 7. М.
- Чвырь Л.А.*, 1977. Таджикские ювелирные украшения. М.
- Шиллинг Е.М.* Арчинцы. Архив ИЭ.Д.16. М.